


ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА: ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

Сафаров Сардор Уктамович
Юрист Адвокатская фирма «Vona Fides»

Аннотация. *Статья анализирует возможность и правовые условия применения смарт-контрактов в государственном управлении Республики Узбекистан в контексте Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030». Рассматриваются технологические основы (блокчейн, алгоритмизированное исполнение) и юридические предпосылки их признания: положения Закона «Об электронном документообороте», Гражданского кодекса (простая письменная форма электронных сделок) и Закона «Об электронной цифровой подписи». Выявляется нормативный пробел — отсутствие легального определения смарт-контракта и регламентов его регистрации/исполнения на платформах публичных услуг (в т.ч. my.gov.uz). Обсуждаются кейсы потенциального использования: автоматизация социальных выплат, исполнение госконтрактов, бюджетный мониторинг, лицензирование и сертификация. Особое внимание уделено идентификации сторон (OneID, требования закона о персональных данных), вопросам доказательства волеизъявления и распределения ответственности при сбоях. Делается вывод о гибридной природе смарт-контрактов и необходимости их институционализации через комплексные изменения подзаконного и отраслевого регулирования.*

Ключевые слова: *смарт-контракт; блокчейн; цифровое государственное управление; «Цифровой Узбекистан – 2030»; электронный документооборот; электронная цифровая подпись (ЭЦП); простая письменная форма; OneID; идентификация и аутентификация; my.gov.uz; автоматизация обязательств; правовое регулирование; прозрачность; ответственность и риски.*

Abstract *The article analyzes the feasibility and legal framework for implementing smart contracts in public administration of the Republic of Uzbekistan within the framework of the “Digital Uzbekistan – 2030” Strategy. It examines the technological foundations (blockchain and algorithmic execution) and the legal prerequisites for their recognition, including the provisions of the Law “On Electronic Document Flow,” the Civil Code (simple written form of electronic transactions), and the Law “On Electronic Digital Signature.” The study identifies a regulatory gap — the absence of a legal definition of a smart contract and procedures for its registration and execution on public service platforms (such as my.gov.uz). It discusses potential use cases such as automation of social payments, execution of public contracts, budget monitoring, licensing, and certification. Particular attention is paid to the identification of parties (OneID, personal data law requirements).*



issues of proving intent, and allocation of liability in case of system failures. The paper concludes that smart contracts have a hybrid nature and require institutionalization through comprehensive amendments to subordinate and sectoral regulations.

Keywords: *smart contract; blockchain; digital public administration; “Digital Uzbekistan – 2030”; electronic document flow; electronic digital signature (EDS); simple written form; OneID; identification and authentication; my.gov.uz; automation of obligations; legal regulation; transparency; liability and risks.*

В современную эпоху цифровой трансформации традиционные подходы к государственному управлению претерпевают значительные изменения. Развитие технологий блокчейн и смарт-контрактов создало основу для формирования **нового поколения управленческих инструментов**, основанных на автоматизации, прозрачности и алгоритмизированной модели правового регулирования.


В условиях активного развития цифровых технологий и реализации Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030», внедрение интеллектуальных цифровых решений в государственное управление становится приоритетом. Смарт-контракты (smart contracts) в этом контексте рассматриваются как важный элемент построения интеллектуальной правовой архитектуры, способной обеспечить прозрачность, предсказуемость и автоматическое исполнение обязательств в электронных сделках между государством, гражданами и бизнесом²⁵.

Согласно Закону Республики Узбекистан «Об электронном документообороте» (статья 4), юридическую силу имеют документы, созданные с использованием информационно-коммуникационных технологий, при условии их достоверной идентификации и возможности воспроизведения. Смарт-контракт, будучи формой цифрового соглашения, теоретически соответствует этим требованиям при наличии правовых механизмов его признания, регистрации и исполнения.

Кроме того, Гражданский кодекс Республики Узбекистан (статья 366) допускает заключение сделок в простой письменной форме, в том числе с использованием электронных средств, что расширяет потенциал правового признания смарт-контрактов как формы договора, при соблюдении условий достоверной аутентификации сторон и юридически значимого волеизъявления.

Закон «Об электронной цифровой подписи» (статья 9) закрепляет, что электронный документ, подписанный ЭЦП, признается равнозначным бумажному документу с собственноручной подписью. Таким образом, смарт-контракт, интегрированный с механизмом ЭЦП и обеспечивающий автоматическое исполнение условий, может рассматриваться как форма заключения обязательства, имеющая юридическую силу.


²⁵ Кучаров, А., Бобожонов, А., & Абдурахманов, А. (2025). СМАРТ КОНТРАКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН. Передовая экономика и педагогические технологии, 2(1), 90–99. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/aept/article/view/65577>



Однако, действующее законодательство Республики Узбекистан не содержит прямого определения смарт-контракта, что создаёт нормативный пробел и правовую неопределённость при его использовании в рамках государственных цифровых платформ, таких как Единый портал интерактивных государственных услуг (my.gov.uz).

Смарт-контракт — это цифровое соглашение, функционирующее в децентрализованной распределённой информационной системе, где выполнение условий происходит автоматически, опосредуя оборот цифровых прав и валюты (Buterin, 2014). Согласно Buterin, основателю Ethereum, смарт-контракты представляют собой революционный способ выполнения условий соглашений, минимизируя участие третьих сторон и повышая эффективность, что делает их особенно полезными для международной торговли²⁶.

Ряд исследований подтверждает, что смарт-контракты способны значительно ускорить процесс заключения и выполнения сделок, устраняя административные барьеры и сокращая время обработки платежей и поставок. Например, Tapscotts (2016) в своей работе отмечают, что автоматизация смарт-контрактов снижает операционные затраты и упрощает выполнение обязательств, делая их полезным инструментом для глобальных поставок. De Filippi & Wright (2018) также подчеркивают значимость смарт-контрактов для современной экономики, акцентируя внимание на их потенциале снижать затраты на посредников, что особенно выгодно для малых и средних предприятий, стремящихся оптимизировать издержки в международной торговле²⁷.




Они отмечают, что смартконтракты устраняют необходимость традиционных банковских комиссий и ускоряют расчёты, что может существенно повысить конкурентоспособность малого и среднего бизнеса на мировом рынке. Важным аспектом использования смарт-контрактов является их прозрачность. Согласно исследованию Mougayar (2016), все условия смарт-контракта хранятся в распределённой базе данных, что исключает возможность односторонних изменений и снижает риски. Блокчейн-технология, лежащая в основе смарт-контрактов, обеспечивает неизменность записей, что укрепляет доверие между сторонами сделки. Swan (2015) также отмечает, что смарт-контракты поддерживают доверие и безопасность за счет их неизменности и публичного характера, что особенно актуально для международной торговли, где взаимодействие происходит между контрагентами из разных юрисдикций. Такое обеспечение прозрачности и безопасности способствует расширению использования смарт-контрактов в рамках международного сотрудничества и ведению безопасных торговых отношений²⁸.

²⁶ Buterin V. (2014). «Ethereum: A Next-Generation Smart Contract and Decentralized Application Platform».

²⁷ De Filippi P., Wright A. (2018) «Blockchain and the Law: The Rule of Code». Harvard University Press.

²⁸ Tapscott D., Tapscott A. (2016) «Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin and Other Cryptocurrencies is Changing the World». Portfolio.



В этой связи целесообразно обратиться к международной практике, а также к позиции учёных-правоведов, предлагающих трактовать смарт-контракт как цифровое выражение воли сторон, реализуемое через автоматизированные программные алгоритмы, которые исполняют сделку при наступлении заранее определённых условий. Как справедливо отмечает А.И. Савельев, смарт-контракт «спаивает» волю и её выражение в единое цифровое действие, исключая последующее вмешательство сторон в процесс исполнения.

Применение смарт-контрактов в государственном управлении открывает широкие возможности, в частности:

- автоматизация выплат субсидий, компенсаций, социальных пособий;
- заключение и исполнение государственных контрактов через платформенные решения;
- мониторинг исполнения бюджета с использованием открытых распределённых реестров;
- электронное лицензирование и сертификация, при которых исполнение условий лицензии контролируется автоматически.

Существенной проблемой остаётся идентификация сторон смарт-контракта. В Узбекистане регулирование идентификации закреплено, например, в Законе «О персональных данных», а также в механизмах Единой системы идентификации (OneID), однако для признания смарт-контракта как юридического действия требуется внедрение дополнительных процедур верификации, которые могли бы гарантировать, что пользователь, совершающий цифровую сделку, действительно является стороной договора.